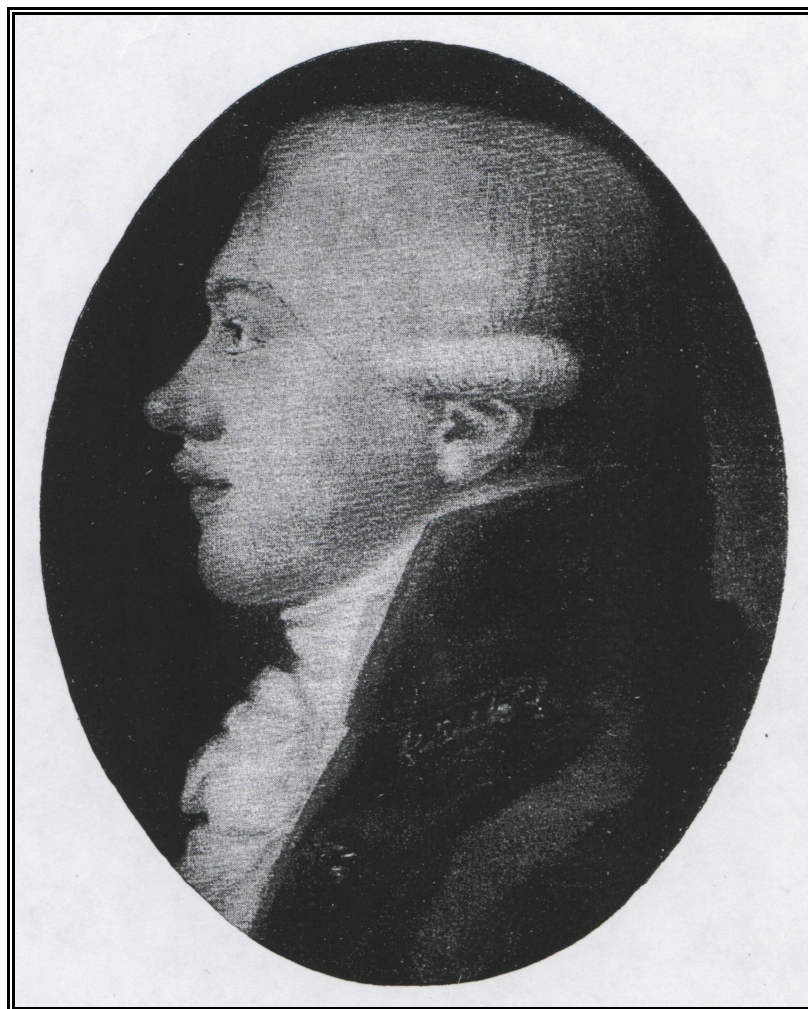

Война против России и русский плен.

Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха
1812-1813 гг.

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского.
Пенза, 2008

© Web-публикация - военно-исторический проект "Адъютант!"
<http://adjutant.ru>

Первая публикация: Фуртенбах Ф., фон. Война против России и русский плен / Подготовка публикации, предисловие и комментарии С.В. Белоусова и С.Н. Хомченко, пер. с нем. А.А. Кузнецова. Пенза, 2008.

Белоусов Сергей Владиславович – заведующий кафедрой Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, д.и.н., профессор. Пенза.

Хомченко Сергей Назарович – ст. научный сотрудник Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника, к.и.н. Бородино.

Содержание

Предисловие.....	3
Война против России и русский плен. Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812-1813 гг.....	5
Комментарии.....	16

Внимание! Предлагаемая электронная версия издания содержит отличия от опубликованной бумажной версии. Кроме того, в настоящее время готовится к печатной публикации вторая, расширенная версия издания.

19.10.2011, Адъютант.

Предисловие

Фридрих-Вильгельм-Карл барон фон Фуртенбах родился 22 января 1779 г. в Нюрнберге в семье администратора Семейной комиссии Й.В. фон Фуртенбаха и его супруги Маргареты-Доротеи, урождённой Пестель. Он был седьмым из девяти детей в семье и третьим из четырёх сыновей. В январе 1794 г., в возрасте 15 лет, он вступил ефрейтором-капралом (фанен-юнкером) в прусский пехотный полк Юнг-Шверин, позже Альт-Лариш. Собственно служебную карьеру он начал 24 мая 1794 г. В 1794-96 гг. Фуртенбах принял участие в походе против Польши, участвовал в нескольких боях, в осаде Варшавы и штурме Блоньи.

22 апреля 1796 г. Фуртенбах был назначен прапорщиком (фенрихом) в полк Альт-Лариш и 10 октября 1797 г. произведён в секунд-лейтенанты. Осенью 1805 г. полк, в котором он служил, был переведён на военное положение и в следующем году участвовал в оккупации Лауенбургской области и курфюршества Ганновер. 8 сентября 1806 г. Фуртенбах был произведён в премьер-лейтенанты. Он участвовал в войне против Франции, в сражении при Йене 14 октября был дважды ранен, попал в плен к французам и полтора года провёл в Шалоне на Марне.

22 июля 1811 г. Фуртенбах вынужден был оставить прусскую службу, но 30 сентября того же года поступил обер-лейтенантом в баварский 5-й линейный пехотный полк. В поход против России он выступил в рядах 7-й фузилерной роты своего полка, который входил в состав 3-й бригады 20-й пехотной дивизии генерала К. Вреде VI-го армейского корпуса. 19 июля Фуртенбах заболел диареей и 22 июля был оставлен в гарнизоне г. Глубокое в составе сводного батальона майора фон Таттенбаха, состоявшего из больных и изнурённых солдат. С 6 августа по 11 сентября во главе команды он охранял усадьбы помещиков от нападений отставших солдат в районе Докшиц, затем вернулся в Глубокое. С 28 октября в составе сильно поредевшего VI-го корпуса генерала Вреде отступал из России.

Фуртенбах был взят в плен в январе 1813 г. за Неманом и переправлен в Могилев. Здесь была сформирована партия из 50 пленных обер-офицеров, которая, по распоряжению Главнокомандующего в С.-Петербурге С.К. Вязмитинова от 18 апреля 1813 г.¹, через Брянск, Орел, Тамбов, была направлена на жительство в Пензенскую губернию, куда будущий мемуарист прибыл в августе того же года. 24 ноября 1813 г. он получил известие об освобождении, и в начале декабря отправлен в Баварию.

22 апреля 1814 г. Фуртенбах прибыл в резервный батальон своего полка в Нюрнберг. 30 апреля он был произведён в капитаны 2-го класса и 1 июня распределён во 2-й национальный полевой батальон Ансбаха, в рядах которого участвовал в войне 1815 г. против Франции. Позднее он участвовал в аннексии Ландау и 16 апреля 1816 г. вернулся в Нюрнберг в ряды 2-го батальона своего полка. 21 августа 1827 г. Фуртенбах был произведён в капитаны 1-го класса, а 8 декабря 1830 г. вышел в отставку. Остаток своей жизни он провёл в Нюрнберге, где и умер 24 мая 1856 г.

Существуют два варианта воспоминаний Фуртенбаха. Судя по тексту, оба они основаны на дневниковых записях автора. Это видно хотя бы по тому, что автор точно приводит даты и названия населённых пунктов, через которые он проходил. Один из вариантов («Война против России и русский плен. Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812-1813 годов») опубликован его родственником, майором Фридрихом Фуртенбахом в 1912 г.² Он снабжен предисловием, содержащим биографические данные

¹ Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 458. Л. 1.

² Furtenbach F. Krieg gegen Russland und russische Gefangenschaft. Nuernberg-Leipzig. 1912.

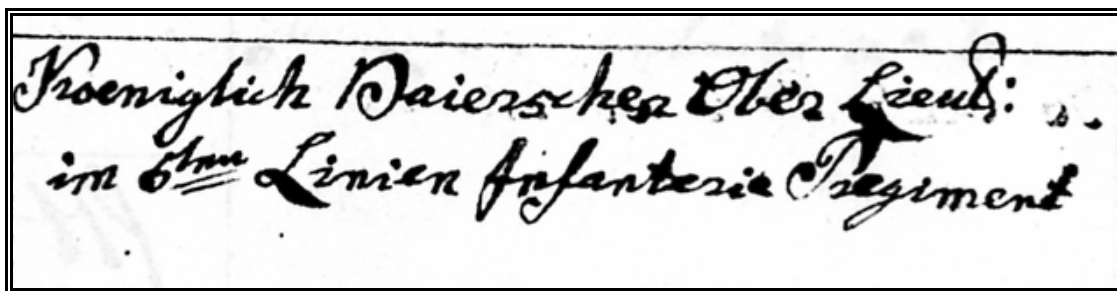
об авторе, и примечаниями. Это, по-видимому, наиболее близкий к первоначальному дневниковому тексту вариант.

Вместе с тем, еще в 1831-1832 гг. вышел двухтомник «Воспоминания о русском плене двух немецких офицеров», подготовленный к печати Францем Зоденом. Первая часть была анонимной³. Однако при сравнении ее с «Заметками» Фуртенбаха выясняется, что оба текста почти идентичны. Текст 1831 г. представляет собой литературно обработанный вариант «Заметок» (точнее первоисточника, положенного в их основу), очевидно специально подготовленный для печати. При переработке была облегчена стилистика текста, произведена перекомпоновка фрагментов, что обеспечивало более логичное изложение материала, текст был разбит на главы, некоторые сюжеты дополнены подробностями, по всей видимости, воспроизведенными мемуаристом по памяти. Однако в целом характер и направленность текста не претерпели изменений.

Сведения о военнопленных, упоминаемых Фуртенбахом либо официальной российской документацией, взяты из справочников А. Мартиньена и Ф. Люнсмана⁴.

Ниже публикуется отрывок из мемуаров Фуртенбаха: Furtenbach F. Krieg gegen Russland und russische Gefangenschaft. Nuernberg-Leipzig. 1912. S.168-195. Даты в мемуарах приводятся по новому стилю, в российской документации – по старому и новому.

Составители выражают благодарность за помощь при подготовке данной публикации д.и.н. А.И. Попову (Самара) и Б.П. Миловидову (Санкт-Петербург).

Автограф Фридриха фон Фуртенбаха
(ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.458. Л.36)

³ Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft von zwei deutschen Offizieren. Bd.1. Regensburg. 1831.

⁴ Martinien A. Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les guerres de l'Empire (1805-1815). Paris, 1899; Lünsmann F. Die Armee des Konigsreichs Westfalen. Berlin, 1935

Война против России и русский плен. Заметки оберлейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812-1813 гг.

Наконец, 26 августа¹ в 4 часа вечера мы достигли губернского города Пензы и были расквартированы, как обычно, в отдаленном пригороде. В этом городе находились исключительно пленные офицеры, в основном баденцы и бергцы, а также небольшое количество французов². Нас разместили по отдельным квартирам. Я попал к одним старым, бедным, но очень добродушным людям.

Губернский город Пенза находится в привлекательной, красивой и очаровательной местности³. Он расположен на нескольких величественных холмах. В долине вокруг города раскинулись его пригороды. Здесь в речку Суру впадает ручей Пенза, по имени которого был назван город. По величине он близок к Орлу. Население здесь многочисленное и благополучное, преимущественно торговое. Хотя воды здесь и несудоходны, движение происходит по близлежащей Волге, куда товары доставляются на легких повозках.

В городе много маленьких домов, церквей и монастырей; он достаточно неплохо выстроен. Дом губернатора, князя Голицына находится в высшей точке города и из него можно наблюдать прекраснейший вид, включающий не только весь город и его пригороды, но и всю чарующе прекрасную местность до самых дальних рубежей.

Местная знать (Landadel) многочисленна и богата. К тому же, здесь находятся зимние дворцы (Winter-Palais) многих важных персон, благодаря которым зимой город очень оживляется. Здешний театр работает только в это время. Он просторен, хорош на вид, и, что особенно важно, снабжен хорошим оборудованием и декорациями.

Большой вклад в украшение города вносят террасоподобная конструкция у склона гор и многочисленные сады и садики с южной стороны города.

В Пензе, кроме иудеев, можно встретить различные религиозные течения. Есть там лютеранская и реформистская церковь, так как количество немцев в городе и окрестностях значительно. Большинство ремесленников там из немцев, и живут они достаточно благополучно. Среди других живет здесь и портной по имени Энгертмайер (Engertmeyer), из Бреттена в Бадене, отличившийся и ставший знаменитым благодаря самоотверженности, с которой он пытался помочь своим землякам и всем немецким офицерам. Этот порядочный, зажиточный человек жил в прекрасном доме напротив губернаторской резиденции, был нанимателем 20-24 подмастерьев и шил на всю губернию; каждый офицер одевался и питался у него за его счет, а баденцы еще и получали от него значительные денежные суммы. Я также несколько раз обедал у него и восхищался хорошо воспитанной и образованной семьей и действительно прекрасной обстановкой. Его жена, русская, хорошо говорит по-немецки и вообще достаточно образована⁴.

В Пензе я посещал многих немцев и везде получал теплый прием. Мать портного Альсдорфа (Ahlsdorff), родом из Эрфурта, основала здесь что-то вроде гостиницы и предоставляла также стол, кормили там хорошо и дешево и к тому же подавали замечательное пиво⁵. Знаменитый булочник из Кенигсберга поставляет отличный хлеб⁶, учитель рисования здесь из Саксонии, каретник из Кобурга⁷. Я знал его лично, как и еще несколько немецких семей, разных профессий и положений⁸.

Нигде в России нельзя встретить больше народностей, религий и различных сект, чем в Казанском наместничестве и, прежде всего, в Пензенской и Саратовской губерниях. От этих губерний и до Казани вдоль Волги живут люди самых разных национальностей, в братском согласии, без каких-либо обид. Здесь живут мордва⁹, черемисы¹⁰, менониты, гернгутеры, греки, татары, католики, лютеране и реформисты и, как все они могли бы

подтвердить, отправляют свои религиозные обычаи свободно и без какого-либо принуждения. В Сарепте¹¹, в Саратовской губернии, находится крупнейшая колония гернгутеров, многие из которых также рассеяны по Пензенской губернии.

Пензенская губерния – самая населенная в районе Казани. Торговля и ремесла расцвели здесь пышным цветом. Близость Волги и множества мелких речек также дают толчок для развития коммерции. В отличие от других районов, здесь мало деревень и мелких провинциальных городков, и нужно сказать, что нам повезло попасть в эту местность.

Я провел в России две зимы и лето, так что у меня была возможность наблюдать здесь все времена года и относящиеся к ним работы, в том числе сельскохозяйственные. Но в своем описании я ограничусь местностью, в которой мы в итоге поселились, и которая, как известно, принадлежала к лучшим.

Весной крестьянин направляется на поле, чтобы вспахать и засеять его. В не слишком заселенных местностях крестьянин должен обрабатывать большой и сильно удаленный участок, где во время посева и жатвы он и ночует под повозкой, не возвращаясь домой. Основными сельскохозяйственными культурами здесь являются яровые и озимые зерновые: ячмень, пшеница, овес, разного рода крупы, а также просо, знаменитый астраханский сорт которого очень популярен. Крестьянин обрабатывает и засеивает поле самостоятельно. Сбор урожая очень различается в зависимости от местности и природных условий, но из-за очень быстрой здесь вегетации до конца августа все уже обычно собрано. Во время жатвы все женщины, и стар и млад, выходят с серпами на поле. Злаки здесь не косят, хотя большие косы и в ходу; мужчины занимаются только вывозом и обмолотом зерна в больших амбарах. Когда зерно сжинают, девушки сразу вяжут его в снопы, которые правда раза в четыре меньше, чем наши. Вместо приготовленных заранее подвязок, как у нас, они вяжут снопы соломой, что возможно только тогда, когда зерно сразу собирается и уже вечером вывозится домой и складывается.

Если лето выдается дождливое, что нередко в тех краях, то из снопов зерно отправляется на сушилку, которая имеется за домом у каждого крестьянина. Здесь зерно раскладывается, сушится при умеренной температуре и только после надлежащей просушки отправляется на хранение. При уборке урожая один злак следует за другим, и за четыре недели необозримые и необъятные поля пустеют.

Крестьяне никогда не молотят больше, чем им нужно на прокорм или больше, чем собираются продать на рынке. Эта молотьба обычно происходит глубокой зимой. От снега очищается продолговатый прямоугольник. Это место подметается, и зерно выбивается легкими цепями. Очищение производится подбрасыванием и просеиванием. При этом методе теряется много зерен, а надлежащая чистота не достигается, на что в большинстве случаев не обращают особого внимания.

В областях, где выращивают лен и коноплю, вся работа, начиная от удобрения и заканчивая ткацким станком, производится исключительно женщинами.

Картофель не слишком распространен и выращивается только в городах и их окрестностях в огородах; он отличного качества, но дорог и повсеместно заменяется морковью и видом брюквы из так называемого сорта «тарелочной брюквы» (Tellerueben)¹². Основные крестьянские овощи – капуста и огурцы, с той стороны Дона все отличного качества. Я видел здесь капустные кочаны такой величины и крепости, которые при нашем климате недостижимы со всей нашей культурой.

Овощи выращивают таким образом (и из-за климата они хорошо рождаются): с южной стороны вкапывают четыре крепких шеста с развилкой сверху футов шести высотой, сверху кладут поперечины, внизу раскладывают доски, и таким образом формируется ящик. На доски накладывают конского навоза и лучшей земли. Через короткое время в таком парнике вырастают прекраснейшие растения. Вечером или при холодной погоде парники прикрывают рогожей. Капуста не нарезается, как у нас, а шинкуется и потом солится. Иногда кочаны режут на четыре части или солят целиком. Крестьяне умеют

заготавливать очень хорошую квашеную капусту, но я предпочитал четверти кочанов толченой.

Кроме капусты, упомянутой брюквы, огурцов, некоторого количества картофеля и гороха, в деревне больше не выращивается никаких овощей. Только в городах житочные граждане и благородные сословия выращивают бобы и кольраби, но последние всегда рождаются мелкими. Из Астрахани по Волге доставляется цветная капуста, которая правда дорога, и множество очень дешевых арбузов. Фруктовых деревьев в этих местах не видно. Есть немного вишен, которые редко плодоносят. Вместо этого в избытке лесные ягоды разных видов, особенно малина, красная и черная смородина и огромное количество лесных орехов и фундука¹³. Из первых здесь делают очень хорошее масло, которое употребляется в пищу и в лампах.

Огурцов больше всего выращивают в Орловской и Пензенской губерниях. Я видел здесь пространства на много часов пути, засаженные ими, и поля, покрытые морковью. Разные оттенки зелени производят замечательное впечатление. Огурцы широко распространены и являются любимой едой для русских. Они особенного качества, их засаливают и так едят. К тому же они составляют основной продукт в пост, ведь у русских пост почти три четверти года и они строго его держат.

Кроме земледелия, богатство крестьян происходит также из скотоводства всякого рода, особенно лошадей, которых даже у не слишком житочных часто бывает до полусотни. Весной столько лошадей, сколько нужно для хозяйства, оставляют, а остальные собираются со всей общины в большом количестве и отправляются с пастухом в зависимости от местности в низовья Волги, Дона или Днепра, где и пасутся до поздней осени. Потом они возвращаются и зимой в большом количестве используются торговыми людьми. Они применяются для дальних поездок на санях, для перевозки различного рода грузов. Везде используют одноупряжные сани. Из каравана в двадцать саней возницы только на двух – первых и последних. Кнут здесь не нужен. Все управляется с помощью голоса, и лошади точно следуют за ведущей.

Масло изготавливается путем топления в теплой печи, оно хорошего качества и вкусное, только на вид не очень. Молоко употребляется сладким или кислым. Оно перерабатывается в сыр, который они действительно хорошо умеют готовить. Домашней птицы также имеется в избытке. Только крестьяне ее не едят, но отправляют в город или продают торговцам, которые переправляют ее далее. Голубей здесь бесчисленное множество. Православные их не едят, потому что считают вместилищем Святого Духа, которого очень почитают.

Русский крестьянин не только сам строит свой дом, но и своими руками, причем с помощью нескольких простейших инструментов, делает всю свою домашнюю утварь и сельскохозяйственный инвентарь. Сложно поверить, что эти люди из плохонького дерева делают милые вещицы и плохоньким ножом вырезают красивые штучки. Их терпение и ловкость в этом деле достойны похвалы. Их повозки и сани полностью деревянные и не окованные. Даже колеса они изготавливают из цельного куска дерева и очень даже крепкие. Эти колеса делают из ольхи, лещины, березы или дуба следующим образом: древесина сначала обтесывается, и в ней просверливают отверстия для спиц. Потом она кладется в бане на самый верх. Пропитанная паром, древесина становится гибкой, как ива, и натягивается на блок подходящего размера, стоящий во дворе. Место соединения закрепляется крючком, и затем все накрывается тряпкой, вымоченной в холодной воде. Некоторое время, зависящее от толщины и породы дерева, заготовка остается натянутой на блок, и, будучи снятой, постоянно сохраняет эту форму. Теперь вставляются спицы и чеки. В такой паровой бане можно согнуть бруски значительной толщины.

Русские жить не могут без парной бани и в любой деревне можно их увидеть по три-четыре. В городках и городах каждый домовладелец имеет в доме свою собственную баню. Это маленькая, 5-6 футов высотой четырехугольная крытая каморка. В пол вмурована четырехугольная решетка с шуровочным отверстием. На ней нагромождены круглые валуны. Под этими камнями поддерживается огонь, пока они не раскалятся.

Тогда двери и заслонка закрываются и раскаленные камни поливаются холодной водой. Образуется обжигающе горячий пар, который русские обоих полов, и стар и млад, вдыхают, лежа на полках и потеют. Я тоже это испробовал, но смог выдержать лишь несколько минут, да и то внизу. А русские голышом выходят из этой жаркой и душной атмосферы наружу и в разгар зимы валяются в снегу. Такого я ни разу не проделывал. После этой духоты люди чувствуют себя сильно утомленными и быстро засыпают, но пробуждаются с новыми силами, словно заново рожденные.

Эти же бани используются для очищения одежды и шуб от различных паразитов.

В окрестностях городов освещение у жителей производится с помощью сальных свечей, которые здесь отличного качества и дешевы. В удаленных областях в деревнях жгут березовые лучины, которые на зиму заготавливаются про запас и в основном женщинами. Дерево обтесывается в палки в руку толщиной, любой длины, а затем они из снега, покрытые льдом, отправляются в горячую печь. Там они находятся, пока не пропарятся, потом вынимаются, сверху топором делаются зарубки, и потом обдираются до самой сердцевины. Такие лучины дают яркий свет, не чадят и не дымят.

Крестьянин в 5-6 часов вечера ложится спать, и встает рано: в 2-3 часа утра. Зимой женщины при свете прядут или ткут. Мужчины из липовой коры делают обувь, плетут рогожи или вяжут из нее или из конопляного разного рода веревки с помощью деревянного крючка. Они делают их толстыми или тонкими, но очень добротно.

Если в семье затевается стирка, то перед отходом ко сну в большое деревянное корыто в холодную воду закладывается белье. С утра белье посыпают золой и в воду забрасывают раскаленные булыжники, которые доводят ее до кипения. Потом корыто накрывается. Когда вода до определенной степени остынет, белье протаптывается ногами и отбивается палками, после чего прополаскивается в холодной воде и, наконец, раскатывается.

Крестьяне живут просто и размеренно. Их частые и длинные строгие посты располагают к этому, но живут они неплохо. С утра готовится еда на весь день. В 9 часов – плотная трапеза, после обеда они едят свой отличный домашний хлеб с молоком или с сыром. Вечером оставшееся доедается в кругу семьи. В скоромные дни они едят много разного мяса, но забой скота для себя, как у нас, у них не в обычае.

Их напиток, квас (Quas), делается из поджаренного хлеба, молотого солода и тому подобного. После брожения туда добавляют некоторые травы, в основном курчавую мяту¹⁴. Квас вкусен и полезен для здоровья. В праздничные дни из жареного проса, хмеля и молотой еловой или сосновой коры готовят что-то вроде пива, оно пьется и опьяняет, но никогда не бывает светлым.

Печь в крестьянской избе служит не только для обогрева помещения, но и для выпечки хлеба, приготовления еды и еще для некоторых подобных надобностей. Посуда, в которой они готовят, состоит из железных котелков и глиняных горшков без ручки, похожих на наши сосуды для молока. Их переносят туда-сюда при помощи чего-то вроде рогатины, закрепленной на шесте, которая обхватывает горшок. При этом в обращении с посудой требуется соблюдать осторожность.

Хотя в России все делается из дерева, в деревнях или городах крайне редко услышишь о пожаре. Этому они обязаны строгому наблюдению за огнем. Табак здесь не курят, и когда мы хотели покурить, нам приходилось выходить из деревни, так как на дворе или в селе мы всех подвергали бы опасности. В комнатах это тоже терпели с неохотой.

Там, где для освещения жгут лучины, под светильником всегда ставят посудину с водой. Только при крайней необходимости крестьянин с хорошо закрытым фонарем выйдет ночью во двор.

Насколько умеренно русские живут обычно, настолько невоздержанны они во время так называемых праздников (Prasdnik) – это неделя после поста. Главные праздники – после Рождества и Пасхи. Большого обжорства и расточительства, чем в это время, вообще вряд ли где можно увидеть, и можно подумать, что в это время три четверти русских вообще не просыхает, будь то в городах или деревнях. К этому времени производятся огромные приготовления. Квас, пиво и водка запасаются во множестве,

забивается, зажаривается и отваривается все, что только можно и производится всякого рода выпечка.

Любимый вид печеных изделий – пироги (Piroggen). Тесто из муки и воды, начиненное луковым фаршем, выпекается в растительном или сливочном масле и подается горячим. Я часто с удовольствием вспоминаю эти праздничные пирушки. На них всегда было весело и кроме песен и радостных возгласов ничего нельзя было услышать.

Но все же вернемся к нашему дальнейшему передвижению.

В Пензе полицией, в лице полицмейстера Ивана Васильевича¹⁵, очень милого и приятного человека, мы были распределены по маленьким городкам губернии и благодаря любезности этого человека я остался вместе с Ландсбергом (Landsberg)¹⁶ и Гофманом (Hofmann)¹⁷. Но секретарь Семен Петрович¹⁸ был полной противоположностью своему начальнику. Я никогда не встречал таких грубых и необходимых людей, как он.

Четырнадцать¹⁹ из нас получили назначение в городок Краснослободск. Это были три баварца – я, Франкель (Frankel)²⁰ и Хинтермайер (Hintermayer)²¹, семь вестфальцев – Ландсберг, Гофман, Симонис (Simonis)²², Круземарк (Krusemark)²³, Шуц (Schuez)²⁴, Мендель (Mendel)²⁵ и Морио (Morio)²⁶, а также трое французов: Сципио (Scipio)²⁷, Богледу (Bogledou)²⁸ и Шеен (Schoen)²⁹ и хорватский капитан Думлунович (Dumlunowitsch)³⁰. Мы сердечно попрощались с нашими товарищами по несчастью и 1 сентября отбыли из Пензы. Прошли большую деревню Рамзай (Gransee) и в трех верстах за ней поздно вечером расположились на ночлег. С этого места нас снова сопровождали офицер и два унтер-офицера и наше продвижение благодаря хорошим лошадям очень ускорило.

Мы миновали маленький городок Мокшан (Mokschan), где находилось около двадцати офицеров³¹. Из наших среди них был оберстлейтенант Обермайер (Obermaier)³² из второго полка, которого я посетил.

После этого городка мы снова наткнулись на своеобразную народность – мордву. Эти мордвины или мордваны – крещеные язычники и живут рассеянно в селах в Казанском регионе. Многие еще преданны язычеству. Скотоводство и пчеловодство, как и земледелие – вот их занятие. Это сильный народ, мирный, гостеприимный и любезный. У них собственный язык и обычаи и они не смешиваются с другими народами. Мужчины носят в ушах серьги из крашеной шерсти, формой и размерами сходные с нашими ротными кокардами на каскетках, женщины – широкие пояса, разукрашенные ужиными головками и на голове вид венца. Их дома выше и просторнее, чем у русских.

После пяти дней пути мы добрались до нашей стоянки – Краснослободска.

Вечером 5 сентября мы были расквартированы городничим или городским судьей³³. Здесь мы встретили 23 пленных офицеров разных национальностей. В основном это были бергцы и вестфальцы, так что теперь с нами было 37 офицеров³⁴.

На другой день нас записали в полицию и по двое распределили на квартиры. Я и Сципио отправились к красильщику у рынка. Наше жалование мы получали здесь на семь дней в неделю в медной монете так, как следовало³⁵.

Город Краснослободск³⁶ находится в привлекательной местности на горе, у подножья которой прокладывает путь река Мокша, впадающая в Волгу. Весь город построен из дерева, открыт, и улицы не замощены. Число жителей достигает 1500, в основном православные. Во всем городе была только одна портниха, урожденная курляндка, которая говорила по-немецки. Есть несколько ремесленников. Жители занимаются земледелием и торговлей, которая здесь довольно развита из-за близости к Волге. Большинство здешних жителей очень зажиточны. Нет недостатка в мелких лавочках. Есть также коммерсант, который торгует достаточно крупным оптом. В действительно красивой местности много деревень.

По берегу Волги мало русских по национальности, все больше татары, мордвины и черемисы. Помещиков здесь немного, так как живут столько различных народностей.

Обращались с нами очень сносно, и так как мы за все платили наличными, среди жителей мы были в почете и популярности и жили с ними на дружеской ноге. Мы подчинялись непосредственно городничему³⁷, который в маленьких городках то же самое,

что в больших – губернатор. Наш был очень резким и строгим, точно соблюдал законы и держал в страхе весь город. Но я заметил, что этот человек был на своем месте, так как с этим народом нужно быть строгим и серьезным.

Мы могли гулять по городу, его окрестностям и в долине, но не далее чем за версту от города и не собираясь в большие компании. Утром и вечером нас посещал унтер-офицер инвалидной команды (Stadtsoldaten). Каждый день подавался рапорт, и все взаимные жалобы или разногласия сразу устранялись.

В каждом маленьком городке находится отряд полуинвалидных (halbinvalider) солдат, которые служат для поддержания порядка вместе с полицией, охраны складов, сообщения с губернскими городами и охраны арестантов. Они живут в государственном помещении, к которому пристроен штокгауз, который все время забит до отказа. Важные преступники отправляются в губернский город. Все небольшие проступки разбираются здесь, но все же без разрешения губернатора городничий не имеет права бить кнутом, хотя может самовольно сечь нагайкой, хотя бы и до смерти.

Хозяева были обязаны только предоставлять нам крышу над головой в прямом смысле этого слова, да еще давать нам готовить на их огне. Я жил в прекрасном месте: в маленьком домике на дворе красильщика мы были целиком предоставлены самим себе. Люди здесь были очень порядочные и услужливые. На закрытом дворе был колодезь, и с дровами проблем не было. Постройка была совсем новая и предназначалась, собственно, как дом для престарелых. Мы занимали здесь небольшое помещение с чуланом и имели в распоряжении хорошую печку с дымовой трубой и хорошо закрывающуюся. Внизу маленький погребок. Сени и чердак только для нас, что очень подходило для нашего нового домохозяйства.

Теперь мы расположились основательно. Я купил рогожу, набил ее соломой, и положил себе на лавку. Сципио таким же образом спал на койке. Затем мы приобрели необходимую посуду для приготовления пищи, а также чашки и тарелки, которые здесь достаточно неплохо изготавливали из дерева.

Мы ввосьмером вели общее хозяйство: Ландсберг, Гофман, Сципио, Круземарк, Бугледу, Думлунович, Гильза³⁸ и я. В хозяйство ежедневно вкладывалось 15 копеек, по нашим деньгам 4 ½ крейцера, которые на всю неделю собирались в складчину и которым мы со Сципио вели учет. Так как кроме меня никто не был искушен в приготовлении пищи, то мне пришлось заниматься этим все время. Я все собственноручно закупал, сам все готовил, варил и мыл посуду. Редко случалось, что кто-то помогал мне чистить овощи. Готовить на восемь человек да еще тащить до дома все продукты – вот занятие на весь день, и так как я должен был страдать за всех, мне требовалось возмещение. Бесплатную стирку из кассы я себе выговорил. Мы питались исключительно хорошо. Ни в какой другой стране невозможно жить на такие деньги.

Чтобы привести доказательство чудовищной дешевизны, я перечислю стоимость некоторых продуктов на наши деньги. Фунт говядины стоил 3 3/5 пфеннига, фунт свинины – 1 ½ крейцера, фунт баранины – 1 крейцер, телятины – 5 пфеннигов. И все наилучшего качества. 8 фунтов плотного, хорошо выпеченного домашнего хлеба – 4 ½ крейцера, действительно прекрасная пшеничная булка – 6 пфеннигов. Ободраный заяц – 6 пфеннигов. Глухарь – 20 крейцеров, рябчик – 12 крейцеров, серая куропатка – 4 крейцера, молодой петух – 4 ½ крейцера, молодая утка – 6-7 крейцеров. 10 штук яиц отдавали за 4 ½ крейцера, фунт масла за 6 крейцеров. Большой горшок стоил 3-4 крейцера. Также сравнительно дешевы были квашеная капуста, морковь и брюква. Картофель был несколько дороже. Мука, овес, горох также были очень доступны.

Местоположение городка влияло на дешевизну еще и потому, что до губернского города 40 часов пути. Поэтому крестьяне вынуждены поставлять сюда все свои продукты. Рыба всякого сорта здесь даже не имеет определенной цены. Она зависит от погоды. Но рыба также всегда очень дешева. Однажды я купил по нашим меркам 4 баварские меры³⁹ лучших огурцов за 6 крейцеров.

Наше хозяйство всегда было лучшим, и мы питались прямо-таки деликатесами. Я ежедневно менял меню и достиг высших вершин кулинарного искусства.

Понедельник здесь был базарным днем, когда нужно было закупать на всю неделю. Сохранение мяса в России очень просто. У каждого крестьянина есть свой ледник (Eiskeller), а зимой мясо вывешивается для заморозки в амбар, после чего оно становится еще лучше. Я часто покупал сразу целую четверть говяжьей туши, барана и полсвиньи. Все вида мяса были очень хороши и жирны. Из астраханского бараньего костреца можно было вытопить множество жира.

23 сентября нас, трех баварских офицеров, вызвали в полицию. Нам был зачитан указ, по которому каждый из нас должен был получить от принцессы Амалии Баварской⁴⁰ в качестве награды 76 рублей 42 копейки медью⁴¹. Мы сразу же получили деньги, и для нас это был очень приятный сюрприз. Я выправил себе пару сапог, пальто, кое-что из белья, меховое одеяло и большой льняной тюфяк для сна. Теперь я мог спокойно дожидаться зимы, хотя мои капиталы в основном на этом и закончились.

В начале октября мой сосед по спальне Сципио против всех ожиданий был отделен от нас и отправлен далее. Куда, мы так и не смогли узнать⁴². Об этом все время говорили. На его место поселился хорват Думлунович, глупый, ханжеский и суеверный тип, который несколько не заменил мне образованного Сципио.

Приблизительно в четырех верстах отсюда жил в своем имении в деревне Барановке (Bogunn) русский офицер в отставке фон Фалькенклау (v. Falkenklaue), урожденный курляндец, в высшей степени честный и порядочный человек, который очень любил немцев⁴³. Он познакомился с Ландсбергом, а через него и я вошел в эту чудесную семью. Старик часто посещал нас, и особенно ему понравилось наше хозяйство и кухня. Он часто посылал нам картофель, кормовую капусту, лук и петрушку со своего огорода.

С большим трудом он получил у коменданта для нас разрешение по воскресеньям приходить к нему. Кроме Гофмана, Ландсберга и меня там бывали иногда и другие немцы, но не французы, убежденным врагом которых старик являлся.

Барановка – маленькая деревушка, расположенная в романтической местности. Жилище полковника очень простое, но очень удобно им спланированное. Хозяйственные и рабочие здания устроены очень целесообразно, полковник был старым, опытным управляющим. В большой прихожей находилось множество мужской и женской прислуги, занятой различной работой. Всю прислугу полковник заставлял учиться рукоделию, что в России в обычае среди дворянства и очень необходимо, так как при таком удалении от города это приносит много пользы. Часто среди прислуги можно было увидеть настоящих искусников, а женщины также ловко пряли и ткали.

Семья состояла из старого полковника, его достопочтенной супруги и их дочери – девушки около 20 лет, симпатичной, здоровой и милой. Зять полковника, майор в отставке, жил в здании поблизости.

Нас здесь очень дружелюбно приняли и мы всегда очень приятно проводили время. Хозяева были по-русски гостеприимны. Мы пили отличный квас и водку (Brandwein). К тому же барышня играла на пианино. Мы пели, и всем было очень весело. Часто также готовили пунш. У нас было разрешение оставаться до полуночи.

Здесь я впервые попробовал медвежатину и нашел ее вкусной. Особенно мне понравились крестец и лапы, которые готовятся примерно так же, как у нас бычьи ноги и это был настоящий деликатес.

Мне представилась здесь неожиданная возможность снова применить мой симпатетический метод⁴⁴, так как у барышни появился жар. Семья ее уже была через Ландсберга осведомлена о моих прошлых излечениях. Так что однажды у моей двери совершенно неожиданно появились дрожки (Troske), которые забрали меня в Барановку, чтобы и здесь попробовать мой дар, который возымел такое благоприятное действие, что через короткое время барышня оправилась от жара.

Семья ее была очень обрадована, и в благодарность полковник сделал мне следующий приятный сюрприз. Старик должен был по торговым и меновым делам предпринять

путешествие в городок Вольск на Волге в Саратовской губернии. Он тихонько устроил мне восьмидневный отпуск и взял меня, ничего не подозревающего, с собой. Чтобы я не выделялся, он переделал меня совершенно по-русски и так 6 или 8 октября мы на коляске, запряженной почтовыми лошадьми, в сопровождении одного слуги, отправились в путь. Через городки Инсар, Мокшан, Городище, Кузнецк, Белый Ключ мы попали в Вольск. Мы двигались чисто по-русски, без задержек и пролетели путь примерно в 42 мили меньше чем за 48 часов.

Городок Вольск прижался к Волге. Он гораздо крупнее Краснослободска и густо населен. Торговля здесь очень развита, и везде кипит живая деятельность. К тому же тогда была ярмарка, и все вокруг кишело людьми разных народностей. Здесь были и персы, и турки, и армяне, китайцы и жители дальних северных и южных областей этой необъятной империи, которых собрала здесь Волга. Река была покрыта судами всякого рода, которые прибывали и отчаливали, так как каждый хотел до зимы добраться до своего места жительства. За несколько минут я услышал здесь 20 языков. Прекрасное зрелище создавали многочисленные национальные костюмы, разные характеры и поведение этих людей.

Волга даже при самом низком уровне воды имела ширину примерно в 5 верст и являла великолепный вид. Я и не думал, что увижу эту реку, и даже сейчас, перед близкой зимой, у большого рынка все дышало здесь жизнью.

Мы поселились у торгового партнера полковника, и я был принят как старый знакомый. Тут я попил хорошего немецкого вина и несколько сортов турецкого.

Во время моего пребывания там я почти не отходил от Волги, так как каждый миг можно было увидеть что-то новое.

Наше возвращение происходило также быстро, и на восьмой день в 9 часов утра, к радости товарищей, я снова был дома.

В эту поездку я испытал много радостей, и некоторые для меня остались незабываемыми.

После своего прибытия я снова вернулся на свой пост на кухне, и таким образом мы продолжали жить на прежний лад.

Наше расположение граничило со следующими губерниями: с востока с Симбирской, с запада с Тамбовской, с юга с Саратовской и с севера с Нижегородской.

На этот год выпало прекрасное сухое лето, и так же проходила осень. Только в конце октября погода начала портиться, а настоящие холода пришли в середине ноября. Мы запаслись всем необходимым к зиме, засолили два бочонка кислой капусты, закупили на зиму овощей в избытке, а я засушил много разных трав для супов, так что нам не о чем было беспокоиться.

Неприятностью для нас стали укорачивающиеся дни, так как насколько приятны и коротки в России летние ночи, настолько мрачны и удручающи вечера и ночи глубокой зимой. В 4 часа пополудни уже сумерки, а при плохой погоде и совсем ночь. В 9 часов утра всегда еще темно.

Худшим для нас было то, что когда смеркалось, мы должны были оставаться на квартирах, и, так как мы жили по двое, скоро мы переговорили обо всем. Но не может же человек все время спать! Сколько раз я по полночи ворочался на моем ложе без сна!

Мы питались хорошо и плотно, но испытывали недостаток в движении. Часто нас вспугивали крики часовых «Слушай!» (Lutschoi)⁴⁵ или звонны железной пластины. Пожалуй, во всей Российской империи существует этот обычай. В городах и деревнях (от губернских городов до сел), в зависимости от величины населенного пункта, в различных местах подвешиваются на столбах железные пластины, а рядом находится железный молоток с короткой рукояткой, похожий на обычные у нас молотки для отбивки кос. Пластина около двух дюймов толщиной, в высоту и в ширину как средняя грифельная доска для вычислений. В деревнях она обычно помещается перед домом сотника или сельского старосты. Молотком бьют по пластине затем, чтобы созвать общину. Ночью патрулирующие часовые ежечасно дают таким образом подтверждение своего

бодрствования. В других местах ударами отмеряется время. У русских есть особый навык передачи сведений с помощью ударов. Например, о пожаре, о замеченных волках или медведях. В деревнях, лежащих на большой дороге, где маршрут опасен или проходит рядом с водой, в туманные или снежные дни удары являются ориентиром, по которому можно найти верное направление. Сложно поверить, как далеко слышны эти пронзительные звуки, при хорошей погоде за много верст, нельзя сказать, что это очень благозвучный, зато очень простой и дешевый метод передачи сообщений.

Такой же хорошей и полезной идеей я считаю верстовые столбы. По всей империи, на всех дорогах и перекрестках дорог, на каждой версте установлены 6-футовые четырехугольные столбы серьезной толщины, выкрашенные в национальные цвета. На лицевой и обратной стороне обозначены города и оставшееся до них или пройденное от них количество верст. В глубоком снегу они являются самым надежным указателем пути и действительно берегут время. В морозную зиму на каждом из них обычно восседает ворона, которая голодным взглядом провожает проезжающих. За повреждение или кражу верстовых столбов секут и пожизненно ссылают в Нерчинские горные разработки.

Вечером я обычно на часок заходил к хозяевам, или красильщик сам нас посещал. Это был очень благоразумный и трезвомыслящий человек, полный интереса к нашим странам и законам. Он никогда не уставал нас расспрашивать, и сам был интересным собеседником и хорошим рассказчиком. Я вообще заметил, что русские знают свои корни. Этот человек рассказывал нам эпизоды из древнейшей русской истории и всегда правильно приводил годы жизни и правления упомянутых личностей.

Много рассказывал он нам о Пугачеве⁴⁶, который сыграл историческую роль в этой местности. Он сжег город, ограбил или убил множество его жителей. Тогдашний городничий был им обезглавлен и теперь похоронен у дома коменданта, о чем и свидетельствовала надпись на надгробном камне.

Много материала для рассказов доставляли также ужасные волчьи и медвежьи охоты. Например, случай, в который трудно поверить, но который подтверждается многими жителями города. Где-то за пять лет до нашего прибытия сюда, в морозную зиму, очень большой и хищный медведь держал в страхе всю округу. Весь уезд был мобилизован на охоту, но даже смелые и поднаторевшие в этом деле татары не смогли его убить. Наконец один старый татарин придумал хитрость: перед берлогой зверя поставили много сосудов с водкой и медом, медведь с жадностью все это употребил и, охмелев, стал беззащитен. В этом состоянии татары решили живым доставить его в город, крепко связали, положили на сани и триумфально двинулись в путь. От тряски и режущих веревок животное очнулось от хмельного сна, разорвало путы как нитки, двоих смертельно ранило и в гневе побежало к городу. Тогда был понедельник, базарный день. Зверь ворвался на рынок, многих разорвал и устремился к кабаку, где лапой разбил бочонок с водкой и опять начал ее лакать. Здесь его и убил кто-то из охотников. Его огромная шкура висит теперь на ратуше⁴⁷.

В нашем городке не было недостатка в церквях, и ни одну нельзя было выделить в качестве особенно красивой. Русский с охотой жертвует последнюю копейку на поддержание в исправности своей церкви, и в небольших деревушках я видел отлично построенные, хотя и деревянные, но хорошо выкрашенные храмы. Церковный двор обычно ограничен живой изгородью и содержится в большой чистоте. На кладбищах редко увидишь могильные камни, а больше искусно вырезанные и ярко раскрашенные деревянные кресты.

Смертность была очень низкой, и во время моего пребывания здесь умерло всего несколько человек.

Среди мужского и женского пола очень много пожилых. Мужчины 80-ти лет, которые еще не оставили своей профессии, здесь не редкость. В нашем городке и его окрестностях были столетние старики, один даже 108 лет, которые еще выходили и сами покупали себе водку. Женский пол здесь очень даже приятного склада и совсем не так уж неприступен.

24 ноября⁴⁸ после обеда я в одиночестве занимался дома чисткой брюквы, когда вошел унтер-офицер (Sergent) и спешно потребовал от меня и двух моих товарищей следовать за ним. С тяжелым сердцем я шел за ним, ведь мы уже с тоской ожидали распоряжения о дальнейшей транспортировке или чего-нибудь в этом роде. Мы предстали перед самым городничим и воспряли духом, увидев радостное выражение его лица. Но еще больше мы были ошарашены тем, что он произнес, благожелательно протягивая нам руку: «Баварцы, вы свободны. Ваш король заключил союз с нашим императором и вы без промедления должны быть доставлены на родину». Нам были зачитаны выписки из указа. Мы стояли, словно окаменев. Я ожидал этого меньше, чем того, что небо упадет на землю. Тут же принесли водки, и мы с городничим выпили за здоровье короля и императора.

Мы должны были отбыть на следующее же утро, но попросили день на сборы, который и получили.

Мы не вышли, а выпорхнули из полиции, и я сразу разыскал своих друзей Ландсберга и Гофмана, которые со слезами на глазах восприняли весть о нашем расставании. Меня это очень растрогало. Я рад был возвращению домой, но не хотел покидать товарищей. Слух о нашем освобождении распространился по городу со скоростью молнии и все наши товарищи, вплоть до французов, явились, чтобы пожелать нам счастья.

Все уважаемые горожане принимали нас как самых желанных гостей, и все предстало перед нами в другом свете. В кабаке мы поставили солдатам водки и долго еще праздновали.

В указе было отмечено, что мы должны были собраться в соответствующем губернском городе, получить там зимнее обмундирование и 100 рублей награды от императора Александра, помимо текущего жалования до Радзивиллова⁴⁹ на границе с Галицией, так как мы должны были пройти через Австрию.

После того, как мы попрощались со всеми друзьями из города и его окрестностей, 26 ноября на двух повозках в сопровождении унтер-офицера (Sergent), мы тронулись в наш обратный путь к Пензе. До этого снег еще не выпал, но, по счастливой случайности, в эту ночь его выпало так много, что на следующий день мы смогли продолжить наш путь на санях.

Ландсберг и Гофман вместе с остальными немцами проводили нас до городской черты, где мы с болью в сердцах расстались.

Поздно вечером мы прибыли в Грибовку (Grybowka), мордовскую деревню на Мокше, и получили там хороший прием. Унтер-офицер (Sergent), мой хороший знакомый, все время заботился о том, чтобы мы получили лучшие квартиры и чтобы нам пришлось как можно меньше (или совсем ничего) платить. Также он всегда старался достать бесплатную выпивку.

27 ноября. Шелоны (Szelony), также мордовское село. Шел сильный снег и был чувствительный мороз. Дорога еще не была как следует проложена и мы пять раз, хотя и без ущерба для здоровья, переворачивались, что на низких русских санях совсем не редко и не опасно.

28 ноября. Лирский (Liersky), русская деревня. Мы проехали маленький городок Инсар (Insar) и здесь пообедали.

29 ноября. Грыботка (Grybotka), село. В городке Мокшан мы задержались на пару часов в середине дня и узнали, что оберстлейтенант Обермайер уже отбыл. Получили здесь отличную, удобную квартиру.

30 ноября. Пенза, губернский город, где к 9 утра мы здорово замерзли, но очень благосклонно были приняты в полиции и сразу же расквартированы в пригороде, я к судебному адвокату. Мне попалось очень приличное место, где жили очень приятные люди.

К нашему прибытию многие уже собрались здесь. Например те, кто жили в Саранске и Мокшане. В губернии было 10 баварских офицеров⁵⁰ и, когда все мы оказались здесь, нас представили губернатору князю Голицыну⁵¹, который за 100 рублями направил нас в Тамбов, что нам совсем не пришлось по душе⁵².

Остановку здесь я использовал, чтобы посетить знакомые мне немецкие семьи или поучаствовать в кружке, включающем находящиеся здесь баденских и гессенских офицеров⁵³. Oberstлейтенант Oberмайер, который располагал деньгами, купил себе собственные крытые сани и пригласил меня присоединиться к нему на обратном пути, на что я без долгих раздумий согласился. Остальные 14 офицеров⁵⁴ по двое и трое также покупали себе сани, так что вместе с санями сопровождающих офицеров в караване их было 9.

В полиции каждый из нас получил к своему пальто еще солдатскую шинель, пару длинных валенок, подбитых мехом, пару меховых рукавиц и теплую шапку-ушанку. Без этой предосторожности в такую исключительно морозную зиму мы далеко бы не продвинулись. Об обогреве для носа и ушей каждый должен был позаботиться сам.

Мы с моим теперешним попутчиком запаслись всякого рода продуктами, так что нам полностью их хватило от одного губернского города до другого.

Здесь офицер, который должен был нас сопровождать, получил императорскую подорожную (Podoroschnaja), то есть документ на получение почтовых лошадей⁵⁵. Государство платило 3 копейки за лошадь за версту. Это удивительно дешево, путешествовать на такой манер. Так, упряжка из двух лошадей на немецкую милю обходилась примерно в 19 ½ крейцеров наших денег! Если дать вознице 10 копеек на водку, то лошади просто летят. Денег нам давать не приходилось, но мы угощали их шнапсом.

Сопровождавший нас офицер⁵⁶ вывел свои сани вперед и прикрепил на дугу колокольчик – почтовый знак в России, как у нас почтовые рожки. Таким образом мы ехали до границы с Польшей на реке Буг, где пересели на обычных перекладных.

Наконец 16 декабря⁵⁷ после обеда в морозную снежную погоду мы покинули Пензу и добрались до Вышовки (Wyschowska), деревни, где получили плохие квартиры.

17 декабря. Студенец (Sckutieniez), деревня. Все также плохо.

18 декабря. Мочалейка (Miszeleizka), татарское село. Сюда мы прибыли очень поздно, так как мы совершили сложный переход в ужасную метель и снежный буран. Пришлось долго дожидаться квартир. К сожалению, я попал не туда, где был в прошлый раз, а к вдове, которая жила с сыном и очень красивой 13-летней дочерью. Но мы были приняты по-татарски, то есть очень гостеприимно. И мать, и дети очень старались нам услужить, особенно девочка, удивившая меня утром прекрасным исполнением Корана.

19 декабря. Чембар (Tschembar), городок на одноименной речке. В пути я испытал колики самой острой формы. Проезжая татарскую деревню, я купил сильно забродившее кобылье молоко и тотчас поправился. Здесь мы застали всех пьяными и шумными на пиршестве⁵⁸. Рождественский пост подходил к концу, и начинались так называемые праздники (Prasdnik), которые продолжаются до нового года. Я могу утверждать, что тогда мы были пьяны ежедневно, постоянно встречая наилучший прием. Так как я владел русским языком и неплохо в этом преуспел, а их обычаи и блюда были мне привычны, то меня рады были видеть всюду и я также с радостью оставался пировать с ними.

Здесь к нам присоединились 5 рядовых нашей армии⁵⁹, которые находились в этом городе с солдатами из других войск. Они также были одеты и подготовлены к пути, и мы попеременно брали их в наши сани. В дальнейших тяжелых переходах мы нуждались в их услугах.

Перевод А.А. Кузнецова (Самара).

Комментарии

¹ Партия военнопленных, в которой находился Фуртенбах, следовала в Пензу из Могилева и первоначально насчитывала 50 человек. В своем отношении пензенскому гражданскому губернатору князю Г.С.Голицыну от 17 июня 1813 г. № 5895 могилевский губернатор сообщал: *«Во исполнение предписания господина Главнокомандующего в Санкт-Петербурге от 15-го апреля по Высочайшему Его Императорского Величества повелению последовавшего, сего числа отправлены отсюда по прилагаемому маршруту в Пензу 50 военнопленных обер-офицеров при заседателе нижнего земского суда и 25-ти человек конвоя, о смене которого в Орел я относился к тамошнему господину гражданскому губернатору. О чем Ваше Сиятельство уведомляя, долгом поставляю покорно просить сделать распоряжение, как о препровождении и заготовлении потребного числа обывательских подвод, так равно по прибытии на место приказать кому следует оных принять, о последующем же не оставьте извещением»* (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.458. Л.2-2об). 12 (24) августа 1813 г. поручик Апухтин, сопровождавший партию военнопленных в Пензу, доносил князю Г.С.Голицыну, что по выступлении из Орла, когда в ночное время партия прибыла на первую станцию в с. Собакино, *«при проверке... по именному списку одного пленного по имени Иосиф Романе Деварен налицо не оказалось»*. С остальными же 49 офицерами он *«прибыл в город Пензу благополучно»* (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.458. Л.8). Предписания же гражданского губернатора князя Г.С.Голицына отправляющему должность пензенского полицмейстера Кузьмину о приеме этой партии военнопленных офицеров и распределении их по городам губернии последовали 13 (25) августа 1813 г. Очевидно, Фуртенбах неверно сообщает о дате прибытия партии в Пензу.

² К этому времени в Пензе уже были размещены на жительство 38 военнопленных офицеров армии Наполеона (4 штаб-офицера, 2 капитана наполеоновской гвардии, 32 обер-офицера и приравненных к ним гражданских чиновников) со своими денщиками, которые прибыли в город в составе большого транспорта военнопленных 17 (29) июня 1813 г. Среди офицеров было 15 французов, 14 баденцев, 6 вюртембергцев, итальянец, баварец и вестфалец (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.20-20об, 58). В Пензе также находились несколько офицеров, оставленных в Пензе по болезни ранее (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.465. Л.13, 15, 36).

³ Представление о том, как выглядела Пенза в начале XIX в., дает «Экономическое описание городов и сел Пензенской губернии», составленное в 1806 г. *«Оной город, – говорится в нем, – положение имеет большею частью на горе по обе стороны реки Пензы, речки Шелаховки и Проломного оврага, и на левых сторонах судоходной реки Суры и речки Мойки. Разстоянием от столичного города Москвы в 660-ти верстах... Чрез оной состоят 5-ть главных улиц, поперечных 7. Из коего выходят 4 тракта в смежные губернии...»* В Пензе проживало 7410 человек и насчитывалось 1936 обывательских домов, а из *«публичных строений: каменных церквей 13, в том числе монастырей: мужской 1 и женский 1; каменных каменных домов 8, дворянского собрания 1, деревянных соляных амбаров 5. Обывательских лавок: каменных под домами 32, деревянных 60. Заводов: кожевенных каменных 2, деревянных 4, мыловаренной каменной 1, деревянной свечной 1. Скотных боен 10, градских кузниц 60. Фабрик на выгонной земле: гончарная 1, парусинная 1. Мельниц водяных мукомольных и при них пильных 2. Хлебная пристань на реке Суре 1. Лесная пристань на реке Суре в устье реки Пензы 1. В оном же городе ежегодно бывает ярмонка, называемая Петровская, на которую съезжаются июня с 20-го и торгуют по 1-е число июля из разных губерний и городов купцы и промышленники всякими товарами и галантерейными вещами, а из окружных селений с деревенскими изделиями, и привозят с партикулярных заводов разных пород лошадей. В сем же городе*

во весь год в недели бывает два торга по понедельникам и пятницам, на кои приезжают из окружных селений крестьяне...» (ГАПО. Ф.60. Оп.1. Д.299. Л.4-5). В 1809 г. в Пензе проживало уже 13252 человека (ГАПО. Ф.108. Оп.1. Д.114. Л.8). Вот как описывает Пензу известный мемуарист I половины XIX в. Ф.Ф.Вигель: «...Пенза на горе возвышается гордо над смиренною Сурой. Сия речка, только при устье своем достойная названия реки, в одно только время года, и то самое короткое, бывает судоходна; она робко и медленно приближается к спесивой Пензе и, не смея коснуться подошвы ея, в двух или трех верстах от нее протекает... Некогда слобода, а со времен царствования Алексея Михайловича провинциальный город, Пенза состояла тогда из десятка не весьма больших деревянных господских хором и нескольких сотен обывательских домиков, из коих многие были крыты соломой и имели плетневые заборы. Соборная каменная церковь, которая величиною едва ли превосходила многие сельские храмы, с тех пор построенные, и несколько каменных и деревянных небольших приходских церквей, служили единственным ей украшением... Двадцать лет спустя, когда при учреждении губерний, Пенза возвышена была на степень губернского города, в ней все переменилось. Правильные улицы, и из них иные мощные, украсились каменными двух- и трехэтажными домами и каменными лавками, а в них показались товары, кои прежде, хотя с трудом, можно было только выписывать из Москвы; явилась некоторая опрятность, некоторая бережливость, некоторый вкус – необходимые спутники просвещения... Вообще Пенза была, как Китай, не весьма учтивая, но чрезвычайно церемонная; этикет в ней бывал иногда мучителен. Барыни не садились в кареты свои или колымаги, не имея двух лакеев сзади; чиновники штаб-офицерского чина отменно дорожили правом ездить в четыре лошади; а статский советник не выезжал без шести кляч, коих называл он цугом. Случалось, когда ворота его стояли рядом с соседними, то передний форейтор подъезжал уже к чужому крыльцу, а он не выезжал еще со своего двора...». См.: Записки Филиппа Филипповича Вигеля. – М., 1892. – I, 4; I, 18.

⁴ В Государственном архиве Пензенской области в деле «О наблюдении за иностранцами, проживающими в Пензенской губернии» за 1812 г. имеются следующие сведения: «Франц Антонов сын Егетмегер; немецкой нации; записан в пензенские цехи, занимается портным мастерством; имеет в городе деревянный дом; в России с 1785 года; присягал в 1796 г., паспорт имеет от Фильцбуерского посланника барона фон Ванхенбурга» (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.421. Л.12об-13).

⁵ В Государственном архиве Пензенской области в деле «О наблюдении за иностранцами, проживающими в Пензенской губернии» за 1812 г. имеются следующие сведения о Альсдорфе: «Иван Петров сын Альсдорф; у него жена Катерина Иванова дочь Гиттен; шведской нации; вольноживущий; занимается портным мастерством; квартирует у Епифана Иванисова [пензенского купца]; в России с 1810 года; присяги не учинил, а проживает по паспорту, хранящемся в полиции» (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.421. Л.11об-12). Каких-либо сведений о его матери в деле «О наблюдении за иностранцами» нет. Однако в Пензе проживала теща Альсдорфа, Вельямина Гиттин: «Вдова Вельямина Иванова Гиттин; немецкой нации; вольноживущая; в зимнее время содержит дом для собрания дворянства; дому, лавки и магазина не имеет; в России находится с малолетства; у нее сын Карл Иванов Гиттин, рожден в России, находится определенным в Пензенском губернском правлении в числе приказных служителей; квартирует у купца» (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.421. Л.11об-12). Именно о ней, очевидно, и пишет Фуртенбах.

⁶ Очевидно, речь идет о немце Вейхе, который упоминается в деле «О наблюдении за иностранцами, проживающими в Пензенской губернии»: «Михайла Иванов сын Вейх; у него жена Федора Иванова; у них дети Иван, Федор и Карп, дочь Елизавета; немецкой нации; занимается печением французских хлебов; не имеет дома и квартирует в доме у купца Иванисова; в России с 1808 года; присягу учинил» (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.421. Л.13об-14).

⁷ Речь идет о каретном мастере Тауберте, который также упоминается в деле «О наблюдении за иностранцами, проживающими в Пензенской губернии»: «*Михайла Михайлов Тауберт; холост; из немцев; каретной мастер; дома не имеет, а квартирует у мещанской жены; проживает в России с малолетства; присягу принял*» (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.421. Л.16об-17).

⁸ В деле «О наблюдении за иностранцами» упоминаются 33 иностранца, проживавших в Пензе вместе со своими семьями (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.421. Л.11об-17).

⁹ Принадлежат к волжской группе финских народностей, сейчас смешались с русскими (примечание издателя).

¹⁰ Финский народ в европейской части России, частью смешались с русскими (примечание издателя).

¹¹ С 1892 больше не братская община (примечание издателя).

¹² Вид кормовой брюквы (примечание издателя). Возможно, речь здесь идет о репе.

¹³ Окультуренный лесной орех (примечание издателя).

¹⁴ Предок перечной мяты (примечание издателя).

¹⁵ Кравков Иван Васильевич (ок. 1774 – после 1817) – выходец из дворян; имел небольшое имение в с. Кологривовке Мокшанского уезда Пензенской губернии, в котором на 1817 г. числилось 30 крепостных крестьян. Поступил на военную службу унтер-офицером в л.-гв. Семеновский полк 11 марта 1792 г. В октябре 1794 г. переведен прапорщиком во вновь формируемый 6-й полевой батальон, который в 1796 г. вошел в состав гарнизонного генерала от инфантерии Архарова 2-го (Московского гарнизонного) полка. В декабре 1797 г. И.В.Кравков был произведен в подпоручики, а в ноябре 1798 – в поручики. В октябре 1800 г. он был отставлен от военной службы штабс-капитаном с мундиром. С 1802 по 1811 г. дворянством Мокшанского уезда избирался мокшанским земским исправником. В январе 1811 г. был избран дворянским заседателем в Пензенский совестный суд. В июне 1811 г. за многолетнюю беспорочную службу был представлен к награждению орденом Св.Владимира 4-й степени. В апреле 1812 г. был определен полицмейстером в г.Пензу. В июне 1814 г. был переведен полицмейстером в г.Саранск. В 1817 г. был женат, имел сына Дмитрия (12-ти лет), дочерей Наталью (16-ти лет), Варвару (6-ти лет) и Анну (3-х лет) (ГАПО. Ф.6. Оп.1. Д.516. Л.304об-305).

¹⁶ Людвиг Ландсберг (Landsberg) (12.03.1787-20.08.1863), капитан вестфальского гвардейского полка шеволежер-пикинеров (capitaine an Regiment du Chevaulegers lanciers de la Garde Westphalien) (Lünsmann. 157).

¹⁷ Фридрих Гофман (Хофман) (Hoffman), капитан, старший адъютант (adjutant maior) вестфальского 7-го линейного полка 23-й пехотной дивизии 8-го армейского корпуса.

¹⁸ Речь идет о пензенском частном приставе С.П.Козьмине. Козьмин Семен Петрович (ок. 1781 – ?) – выходец из дворян Петровского уезда Саратовской губернии. В августе 1792 г. поступил подканцеляристом в Пензенское наместническое правление. В мае 1793 г. был переведен в Пензенскую верхнюю расправу, где в мае 1794 г. был произведен в канцеляристы, а в январе 1796 – в губернские регистраторы. С 1797 по 1802 г. служил сначала в Пензенской, а затем Саратовской почтовой конторе. В декабре 1801 г. был произведен в коллежские регистраторы. С 1802 по 1807 г. служил в Пензенской палате гражданского суда, где в декабре 1804 г. был произведен в губернские секретари. В ноябре 1807 г. С.П.Козьмин был определен частным приставом в штат Пензенской градской полиции, но в марте 1808 г. уволен от службы «для приискания другой должности». После начала Отечественной войны 1812 г. вторично, по своему желанию, определен частным приставом в штат Пензенской градской полиции. В декабре 1812 г. был произведен в коллежские секретари. В январе 1816 г. дворянством Пензенского уезда был избран земским исправником. В 1817 г. был женат, имел двух сыновей (ГАПО. Ф.6. Оп.1. Д.516. Л.288об-289).

¹⁹ В документах Канцелярии пензенского губернатора говорится о 16 военнопленных этой партии, которые должны были быть размещены в Краснослободске (ГАПО. Ф.5. Оп.1.

Д.458. Л.19). Помимо офицеров, перечисленных Фуртенбахом, в именном списке военнопленных, отправляемых в Краснослободск, так же названы капитан 125-го (голландского) полка линейной пехоты Теодор Конрад и унтер-лейтенант вестфальского 2-го гусарского полка Август Райхе (Рейхер) (Reiche), который был ранен и попал в плен 7 сентября.

²⁰ Фридрих Франкель, обер-лейтенант баварского 6-го линейного полка.

²¹ Ценно Хинтермайер (Гюнтермайор), лейтенант баварского 7-го линейного полка.

²² Карл Георг Симонис (Simonis) (31.03.1788-30.08.1854), унтер-лейтенант вестфальского 7-го линейного полка (Lünsmann. 215-216).

²³ Альберт Круземарк (Krusemark), лейтенант, переведён в вестфальский 8-й линейный полк в ходе кампании. 24 октября 1813 г. подавал прошение о вступлении в российско-германский легион (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.461. Л.76).

²⁴ В именном списке военнопленных он отмечен как Иоганн Шиц, провиантский комиссар 8-го корпуса (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.463. Л.58, 104).

²⁵ Фридрих-Август Мендель (Mendel), лейтенант, переведён в вестфальский 3-й линейный полк в ходе кампании. 18 (30) сентября 1813 г. подал прошение о переводе в российско-германский легион, куда и был отправлен 6 (18) октября 1813 г. (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.467).

²⁶ Морио (Mogio), брат военного министра Вестфалии, капитан вестфальского егерского батальона гвардии, офицер для поручений короля Вестфалии Жерома Бонапарта (capitaine des chasseurs de la Garde du roi de Westphalia at officiers d'ordonnance de J.W.), ранен 7 сентября (Martinien. 739; Lünsmann. 152-153).

²⁷ Жанвье Сципион (Scipion Janvier), 1765 г.р., шеф бюро госпиталей и лазаретов штаб-офицерского чина, военный министр герцогства Варшавского (Chef des Bureau des Hopitaux et Caserner an Moinistre de la guerre du Duché Varsovie).

²⁸ В именном списке партии военнопленных, прибывшей из Могилева в Пензу 12 (24) августа 1813 г., фигурирует лейтенант 25-го конно-егерского полка (de Chasseurs a cheval) Жан Батист Борглет (Borgletto Jean Baptiste), который являлся итальянцем, а не французом. Однако освобожден из плена он был в числе французов (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.511. Л.144).

²⁹ В именном списке партии военнопленных, прибывшей из Могилева в Пензу 12 (24) августа 1813 г., упомянут вестфальский лейтенант Жозеф Шен (Chene Joseph), служивший во 2-м вестфальском гусарском полку. Но в другом списке он указан как француз и освобожден из плена он был 1 июля 1814 г. также в числе французов (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.511. Л.144).

³⁰ Валентин Томлинович (Tomlienovich), капитан 1-го хорватского полка, был ранен 3 ноября. (Martinien. 514). В российской документации – Томианович.

³¹ К этому времени в Мокшане проживали пленные 1 штаб- и 10 обер-офицеров и приравненных к ним чиновников с небольшим количеством денщиков из партии военнопленных, прибывшей в Пензенскую губернию 17 (29) июня 1813 г.. (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.21, 50).

³² Иозеф Обермайер (Obermaior Josef), подполковник баварского 2-го линейного полка. В русских документах он значится майором. В 1813 г. ему было 36 лет. Он был родом из Ландсгута и взят в плен 9 декабря 1812 г. в Вильно.

³³ Городской голова, управляющий городом (примечание издателя).

³⁴ По официальным данным в Краснослободске к этому времени находился 21 пленный обер-офицер, в том числе 9 французов, по 4 итальянца, бергца и вестфальца. (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.21об.). Если прибавить к ним 16 вновь поступивших, то получится названное Фуртенбахом общее количество пленных офицеров – 37.

³⁵ Согласно предписанию Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова от 29 августа (10 сентября) 1812 пленным нижним чинам положен был солдатский провиант и 5 коп., обер-офицерам – 50 коп., майорам – 1 руб., полковникам и подполковникам –

1 руб. 50 коп., генералам – 3 руб. Порционные деньги требовалось выдавать на 7 дней вперед. (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.419. Л.4-4об).

³⁶ Согласно «Экономическому описанию городов и сел Пензенской губернии», составленному в 1806 г., в Краснослободске насчитывался 991 дом (дворянских – 19, домов священников и церковнослужителей – 26, приказнослужительских – 21, отставных штатных солдат – 13, купеческих – 136, мещанских и цеховых – 53, однодворческих – 120, удельных крестьян – 600, отписных крестьян – 3) и проживало 2802 человека. Город располагался в 198 верстах от Пензы. В нем было 5 каменных церквей, деревянная церковь, казенное каменное здание, ветхий корпус присутственных мест, 6 соляных амбаров, 2 винных магазина, 6 питейных домов, 12 деревянных обывательских лавок и 1 купоросный и квасцовый завод на выгонной земле. *«Купцы и мещане сего города торги и промыслы имеют суконными, шелковыми, бумажными и прочими мелочными товарами, виноградными винами, разным хлебом, мясами, птицами и пенькою. На заводах выделяемое купоросное масло, краска мумия и квасцы отпускаются для продажи в Москву и в прочие города. Цехи ж упражняются в мастерствах портном и сапожном. А однодворцы, удельные и отписные крестьяне упражняются в хлебопашестве и других крестьянских изделиях. Торг бывает еженедельно по понедельникам»* (ГАПО. Ф.60. Оп.1. Д.299. Л.6об-7об).

³⁷ Заварицкий Емельян Михайлович (ок.1768/69 – после 1817). Из дворян. С 1787 по 1789 г. служил в л.-гв.Измайловском полку; оставлен от военной службы подпоручиком. В декабре 1789 г. был определен стряпчим в Пензенскую верхнюю расправу; в 1792 г. произведен в титулярные советники. 26 июля 1797 г. назначен городничим г.Краснослободска Пензенской губернии. В декабре 1797 г. произведен в коллежские асессоры, в ноябре 1800 г. – в надворные советники, в феврале 1806 г. «за усердие и ревностное служение» – в коллежские советники (ГАПО. Ф.6. Оп.1. Д.516. Л.374об-375).

³⁸ Фердинанд-Карл фон Гильза (Gilsa) (8.02.1790-25.04.1838), премьер-лейтенант вестфальского 8-го линейного полка (Lünsmann. 219-220).

³⁹ Старая южно-немецкая мера объема: 1 мера=1/6 бочонка=37,0596 литров (примечание издателя).

⁴⁰ Дочь короля Максимилиана I от второго брака, позднее жена короля Иоганна I Непомука Саксонского (примечание издателя).

⁴¹ В действительности, эти деньги поступили от принцессы Амалии Баденской, которая была дочерью маркграфа Карла Людвига Баден-Дурлахского. Инициатором же выплат была королева Каролина Баварская, урожденная принцесса Баденская, которая таким образом пыталась с помощью своей сестры, русской императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I, облегчить участь баварцев в России. Через их общую сестру, принцессу Амалию Баденскую и был установлен контакт между Мюнхеном и Санкт-Петербургом. (Шмидт В. Судьба баварских военнопленных в России в 1812-1814 гг. // 185 лет Отечественной войне 1812 года. Самара, 1997. С.82). В Пензе эти деньги были получены 13 (25) сентября 1813 г. и вскоре начали выдаваться по назначению. (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.101-101об).

⁴² 19 сентября (1 октября) 1813 г. городничий Заварицкий отправил губернатору рапорт о Жанвье Сципione, замечая того в неблагонамеренности к России и считая, что за его поведением нужен особенный присмотр. Так как наблюдение за пленными вели солдаты местной инвалидной команды, не знавшие французского языка, городничий просил перевести Сципиона в другой город. 26 сентября (8 октября) 1813 г. Сципион написал прошение на имя губернатора.. 6 (18) октября последовало распоряжение губернатора о переводе Сципиона в Городище, куда тот прибыл 21 октября (2 ноября) 1813 г. На новом месте он по крайней мере до 8 декабря 1813 г. не получал денежного довольствия и испытывал нужду в пропитании (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.461. Л. 56, 58-58об, 62-62об, 96-96об).

⁴³ В «Списке дворян Пензенской губернии» за 1807 г. имеются следующие сведения о нем: Фалкенклоо (Фанкенклоо, Финкенкло) Петр Яковлевич; полковник и кавалер; 60 лет. В военную службу вступил рядовым 4 июня 1763 г. и того же года 6 октября пожалован подпрапорщиком, а в сентябре 1770 – адъютантом. В ноябре 1781 г. был произведен в секунд-майоры, в июне 1788 – в премьер-майоры, в ноябре 1794 – в подполковники, в марте 1798 – в полковники. В 1798 г. он был определен комендантом в Судак. 11 августа 1801 г. уволен в отставку *«с пачпортом, с ношением мундира и с половинным жалованьем»*. В 1795 г. за 25-летнюю беспорочную службу в офицерских чинах награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В штрафах и под судом не был, проживание имел в д.Барановке Краснослободского уезда (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.194. Л.60; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769-1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М.Шабанов. М., 2004. С.199). Согласно официальной документации, 18 июля, т.е. вскоре после прибытия в Краснослободск первых военнопленных, местный городничий отправил губернатору рапорт, что *«полковник Финкенкло, живущий в 3-х верстах от города, просит дать ему на квартиру одного военнопленного немецкого офицера»*. На следующий день после получения рапорта Голицын дал на это разрешение (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.62-63). Как сказано выше, в городе тогда находились 8 военнопленных немецких офицеров (четыре бергца и четыре вестфальца).

⁴⁴ Выше в мемуарах описан сюжет, когда Фуртенбах с помощью внушения смог излечить своего товарища.

⁴⁵ Стой! (примечание издателя).

⁴⁶ Донской казак, русский претендент на царство, родился в 1726 г., казнен в Москве 11 января 1775 г. (примечание издателя).

⁴⁷ Случай, о котором рассказывает Фуртенбах, действительно произошел в Краснослободске. 6 октября 1808 г. пензенский гражданский губернатор Ф.Л. Вигель доносил Александру I, что *«18-го числа сентября по полудни в 5-м часу Пензенской губернии в город Краснослободск вбежал из окружающего оный большого леса чрез протекающую под самым городом реку Мокшу медведь, к преследованию которого хотя тогда же взяты были надлежащие меры, оный, ожесточась чрез то, успел 10-ть человек разного звания, а одиннадцатого удельного крестьянина Костина изувечил так жестоко, что на другой день он и помер; медведь же между тем убит и зло им распространявшееся удержано; а к излечению тех, кои повреждены медведем, предприняты все нужные способы...»* (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.305. Л.23-24). В своем рапорте пензенскому губернатору исполняющий должность краснослободского городничего уездный судья Андреев сообщал: *«сего сентября 18-го дня после отправления уже почты находящийся при съезжей караульной унтер-офицер Песов... донес, что, сего числа по полудни в 5-м часу вбежав в конце здешнего города в сады из-за реки Мокши дикой медведь, где проходящих людей переранил, а именно: купецких детей Савелья и Артемья Гуляевых, удельных крестьян Егора Михеева дочь девицу Авдотью, Харитона Гаврилова дочь 4-х лет Катерину, Дмитрия Петрова самого, Савелья Ефимова дочь девицу 12-ти лет, Тимофея Семина жену Анисью Тимофееву, Василья Антонова самого и сына ево Степана, темниковского мещанина Алексея Каравкова. А удельного крестьянина Якова Костина переломал так жестоко, что нижняя челюсть рта вся и с костью оторвана, обе руки с локтей до пальцев и обе ноги изъедены, отчего самого оной Костин едва ли может и жив быть; после чего вскоре по зборе довольно числа народа оной медведь убит...»* (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.305. Л.3-4об). Рассуждая о причинах произошедшего случая, краснослободский городничий Заварицкий писал Ф.Л.Вигелю в первых числах октября 1813 г., что когда медведь *«вбежал в город, то он не вдруг стал бросаться на людей, как из сведений видно, а тогда, когда его укрывающегося в садах собравшийся народ ручагами бил и в него из ружей стрелял; и сим самым озлобили медведя...»* (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.305. Л.13-14).

⁴⁸ Распоряжение Главнокомандующего в Санкт-Петербурге от 17 (29) октября 1813 г. об освобождении пленных баварцев поступило в Канцелярию Пензенского гражданского губернатора 6 (18) ноября. 10 (22) ноября 1813 г. городничим были разосланы ордера об отправке баварцев в Пензу. С учетом срока прохождения почты между Пензой и Краснослободском, ордер должен был получен здесь как раз 12 (24) ноября (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 460. Л. 1-4, 7-13об.).

⁴⁹ Поселок в Волынской губернии, сегодня пограничная станция между русской юго-западной и австрийской Людвигской дорогой (примечание издателя).

⁵⁰ Это 2 штаб-офицера – оберстлейтенант (подполковник) Иозеф Обермайер, майор Вильгельм Грюн и 8 обер-офицеров – капитан Феликс Гаршер, обер-лейтенанты Валентин Шарнагель, Ценно Хинтермайер, Фридрих Фуртенбах, Фекар Савери, Иоганн Батист Нагель, Захар Штубенраух, лейтенант Фридрих Франкель. Кроме них, в губернии находилось 9 баварских нижних чинов, пятеро из которых были собраны в Пензе, а четверо ожидали в Чембаре, чтобы присоединиться к остальным по дороге в Тамбов. (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.137об, 140; Д.460. Л.6, 29).

⁵¹ Голицын Григорий Сергеевич, князь (30.10.1779 – 17.01.1848) – тайный советник (с 1819 г.). Старший сын генерала от инфантерии князя Сергея Федоровича Голицына (1749–1810) от брака с племянницей светлейшего князя Г.А. Потемкина Варварой Васильевной Энгельгардт (1757–1815). При рождении был пожалован в поручики Смоленского драгунского полка. В 1788 г. произведен в артиллерию капитаны. С января 1797 г. являлся флигель-адъютантом. В апреле 1797 г. произведен в полковники, а в июне 1798 – в генерал-майоры. 12 февраля 1799 г. был отставлен от службы. В апреле 1801 г. при Александре I вновь принят на службу с пожалованием в действительные камергеры. С февраля 1811 по июнь 1816 г. был пензенским губернатором; действительный статский советник. В марте 1819 г. произведен в тайные советники и назначен сенатором. Из высших орденов имел орден Св. Анны 1-й ст. и Св. Владимира 2-й ст. (См.: Русские портреты XVIII и XIX вв. Издание великого князя Николая Михайловича Романова. В 5 т. Т. III. М.: «Три века истории», 2000. С.421-423; Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Т.1. С.308–310). Ф.Ф. Вигель дает князю Г.С. Голицыну следующую характеристику: *«Старший, князь Григорий, при рождении был пожалован гвардии капитаном, как первенец из внуков Потемкина, то есть сыновей его племянницы. Император Павел, при вступлении на престол, сделал его, тогда семнадцатилетнего мальчика, полковником и своим флигель-адъютантом, а года через полтора генерал-адъютантом... Он лицом походил на отца, хотя был красивее его и ростом выше; не имел пылкого характера матери, но у нее заимствовал страсть первенства над мелкими людьми. Его воспитывал какой-то барон Эйбен, который, даром что немец, ни сам ничего не знал, ни его ничему не учил... Князь Григорий, будучи в генеральском чине, начал искать места пензенского губернатора [в 1811 г.] и получил его, вместе с дозволением каждое лето за 130 верст ездить в деревню к матери... Большая часть пензенцев были от него без памяти, и как не быть? После смутных времен Крыжановского [пензенский губернатор 1809-1811 гг.] им казалось, что настал для них настоящий золотой век: губернатор, еще молодой, красивый, ласковый, приветливый, принадлежащий к княжескому роду, почитаемому одним из первых в России, в близком родстве со всем, что Петербург являет высокого и знатного при дворе...»* (Записки Филиппа Филипповича Вигеля... I,14; IV,2).

⁵² Согласно предписанию Главнокомандующего в Санкт-Петербурге от 2 (14) октября 1813 г. нуждающимся в теплой одежде военнопленным обер-офицерам должны были быть выданы по 100 руб. для ее приобретения. Многие пленные, даже не нуждавшиеся в одежде, ошибочно считали это подарком императора Александра I, в связи с чем возникали многочисленные недоразумения. В частности, пензенский губернатор распорядился вместо выдачи денег закупать одежду для обмундирования пленных. Для 15

баварцев, собранных в Пензе, на одежду было потрачено 697 руб. 50 коп. (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.460. Л.29-29об). Естественно, что ни о каких дополнительных 100 рублях для офицеров уже не было и речи, чем последние остались недовольны.

⁵³ На тот момент в Пензенской губернии находились 25 баденских и 1 гессенский офицеры (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.20-20об, 137-137об, 140; Д.463. Л.106-107об).

⁵⁴ Очевидная ошибка издателя, вместо «офицеров» нужно читать «человек». Как сказано выше, в том числе и самим Фуртенбахом, в путь отправлялось всего 10 офицеров. Остальные 5 были нижними чинами. Уменьшение количества отправившихся из Пензы на одного человека компенсируется тем, что ниже мемуарист неверно называет количество присоединившихся к ним в Чембаре нижних чинов 5, а не 4, как было в действительности.

⁵⁵ Соответствует дорожному паспорту (примечание издателя).

⁵⁶ Сопровождающим эту группу пленных был назначен пензенской полиции квартальный надзиратель Васильев (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.460. Л.57).

⁵⁷ Согласно официальной документации, баварцы были отправлены в путь 2 (14) декабря 1813 г. (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.460. Л.51-51об.).

⁵⁸ Так как еще продолжался рождественский пост, что подтверждает и сам мемуарист, ни о каких пьяных пиршествах и речи быть не могло. Очевидно, здесь Фуртенбах вспоминает о праздниках вообще, о чем он уже писал ранее.

⁵⁹ Как было сказано выше, в Чембаре находилось только 4 баварских рядовых (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.460. Л.29).